

Добрыня Никитич (2)

Добрыня-то ведь поляковать ездил, дак богатырь был. Добрынюшка Никитич у матери без отца рос.

Тоже¹ Омелфой Тимофеевной звали. Он три года жил стольником у князя, три года жил ключником. Он просился на трое суток по Киеву гулять. Ходил, гулял, постреливал, в окно к Маринке-волшебнице стрелил и приятеля убил. Осердилась она, говорит: «Взамуж возьми». А он не взял. Она обернула его ослом.

У его тетки были дочери, в лес за ягодам ходили. Пришли, говорят: «Осел какой-то к нам пристал, трется и трется, плачет всё». Тетка-то сдогадалась, что то не осел, да и отговорила его.

Тогда поехал поляковать и Настасью Микулишну встретил. Она тоже воевала ездила. Тоже вот женился он, дак поехал на Пучай-реку купаться, а мать его не спускала. «Ты, — говорит, — можешь утонуть». (Это он холостой ездил, забыла ведь.) Он поехал, плавает: «Мама сказала, Почай-река сердитая, а она, как лужица».

Вдруг видит, змей летит. Он нырнул, а слуга его убежал и с платьем. Наг остался. Когда он вышел, клятву со змеем дали, чтоб не летать на Киев-град. Не успел Добрынюшка выкупаться, а змей уж Путятичну тащит.

Собирает князь гостьбу, кто выручит Путятичну. Старший хоронится за младшего, а у младших ответу нет. Алеша Попович и говорит: «Я видел, на Пучай-реке Добрыня со змеем братался, он поедет».

Пошел Добрыня, заплакал. Мать и говорит ему: «Ладно, я тебе сплету плеточку из семи шёлков, ты этой плеточкой помахивай. Как приедешь на горы Сорочинские, станут змеи

бурушке ноги подтачивать,
ты его постегивай. Он станет плясать, змей отряхивать». Поехал
Добрынюшка на горы Сорочинские.
Перескакивал конь Почай-реку. А Почай-река была на два поприща. Змеи
ноги у коня подъедают стали.
Конь стал прыгать, змей топтать. Долго ли, коротко ли ехал, всех детей
притоптал. Змей летит, торопится
домой: «Ты зачем ко мне на съедение приехал?» — «А ты зачем ко мне в
Киев летал?»

Стали биться-ратиться. Три головы отсек, стоит он в змеиной крови. Мать-
земля змеину кровь не
принимает. Он стал плеткой хлестать — кровь да мать сыру землю: «Мать-
земля, чего не примашь кровь
змеиную, я уж замерз» (видно, холодно было). Мать-земля приняла кровь-от.
Пошел в жильё, а княжна
висит на стене, руки роспялены. Выпустил всех: «Идите, не тронет вас
змей». Благодарили его.

Долго ли, коротко ли ехал, опять на заставу поехал. Он стоит на заставе три
года: это чтобы богатырь
не проскочил. А жена уже была взята. Они, бат, без свадьбы женились, как
теперь, видно. Он ей,
поезжая, сказал: «Жди меня три года, а тогда выходи замуж, только не за
Алешу Поповича, он, собака,
мне крестовой брат». Она ждала три года, потом шесть лет ждала. Стали
сватать. Она говорит:
«Я двенадцать лет буду ждать». Тогда ее стали силком замуж брать. А
Добрыня поил коня в Рябинке-реке,
конь воду не пьёт, стал говорить ему: «Езжай в Киев, силком жену отдают
Алеше Поповичу».
Поехали. Он скачет через стену городовую. Коня бросил, пришел к матери:
«Дай гусли». Мать не узнала:
«Что ты, смеешься!» — «Я Добрыня». — «У Добрыни были тапочки шелковые
да бриллиантами усажены,
а ты оборванец, какой ты Добрыня?» — «Я воевал, приборвался». Она
посмотрела родинку: на груди
у его была. Узнала, дала гусли.

Пришел он на пир, со скоморохами в запечье сел. Все пьют, едят, веселятся,
а Настасья Микулишна
слезы льет. Он в чару зеленá вина кольцо спустил и говорит: «Дайте
невесте поднести». Она пить стала,
кольцо под губы подкатилось. Она говорит: «Не этот мой муж, а тот, что в
запечье сидит». Он вы́шёл:
«Здорово, Алеша Попович, оженился, а спать не с кем». Пир-от рассыпался.

*(Зап. Митрофановой В. В.: 24 июля 1956 г., д. Качгарт Нарьян-Марского р-на
— от Марковой Софьи Степановны, 78 лет.)*

1 Сказывала после сказки о Дюке, мать которого — Омелфа Тимофеевна.
(Примеч. соб.).

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.